

К.Лукашевич

Получка

Рассказ

- Маменька! Тебе шибко неможется? - с тревогой в голосе спросила маленькая девочка.

- Ох... Да... Всю голову разломило, тело горит, самое так и трясет... Руки и ноги ноют!.. - ответил слабый голос.

В углу на сундуке лежала женщина, около нее стояла маленькая девочка, трепанная, в рваном платишке. Сейчас было видно, что мать ее больна: некому было даже белокурую головенку пригладить. Комната, где они находились, была в подвальном этаже. Темная, сырая, холодная, с затхлым воздухом, она напоминала хлев. Во всех углах ее шевелились люди; в одном углу кто-то храпел, в другом сидели две старухи и тихо переговаривались, в третьем шла перебранка: кто-то кого-то бранил. Один голос был грубый, хриплый, другой - визгливый. Это спорили хозяйка и жиличка.

- Из чего я буду печь-то топить, коли вы никто денег не платите. Ну и мерзните! Поделом вам! Вон Марфа обещала сегодня за уголь отдать, а сама заболела... Вот и пиши пропало! Пропьет ее муженек получку-то! Опять денег не отдадут. Разве мне легко с такой нищетой?

Больная зашевелилась, застонала и прерывающимся голосом проговорила:

- Да, уж плохо... Разве я рада, хозяйка... Бог, видно, наказал!

- Маменька!.. А, мама, тебе шибко неможется? - опять спросила девочка и погладила по лицу мать.

- Отстань! Чего привязалась! Неможется, конечно... Чего тут спрашивать? - сердито ответила больная.

Девочка притихла и всплакнула.

- Жиличка-то еще пуще болеет оттого, что о муже беспокоится, - сказала вполголоса одна старуха другой.

- Что и говорить! Была бы здорова, встретила бы его и привела бы... И получка была бы цела, и хозяйке бы денежки отдали, и неделю сыты были бы! - прошептала другая старушка.

Девочка тревожно посмотрела на старух и на мать. Она слышала, что те говорили.

- Анютка, ты чего глазенки-то на нас уставила? Поди сюда, милушка, - сказала одна из старух, улыбнулась и поманила девочку к себе.

-Я так... ничего, - ответила та, но не пошла.

Мать ее опять заворочалась, застонала... Девочка привстала на цыпочки и заглянула в лицо матери, с ее губ готов был сорваться обычный вопрос, но она удержалась. Мать затихла и, видимо, задремала.

Хозяйка опять заспорила с кем-то, требуя денег.

- Тетенька, маменька заснула, кажется, - робко проговорила девочка, подбегая к полной женщине с красным носом, стоявшей у печки, дернув ее за рукав, взглядом умоляя не шуметь.

- Прочь пошла! Что мне твоя маменька! - крикнула хозяйка. - Что вы мне, деньги что ли платите?! Твой батюшка опять пропьет получку-то. А я сиди на бобах! Разве мне легко такую голь содержать?

Девочка, как котенок, шмыгнула в свой угол. Там она присела на пол и завозилась, выбирая из корзины какое-то тряпье, спешно закутывая ноги, обматывая голову...

- Бабушка, дайте мне ваши башмаки надеть, - шепотом попросила Анюта, подходя к той старухе, которая ее раньше манила.

- У меня только один, а другой совсем пропал, оба нельзя надеть, Анюточка... Бери один. Да ты куда собираешься-то? - ласково спросила старушка.

- Так... - уклончиво отвечала девочка и прибавила: - Другой у меня есть: это мамина валенка! - она показывала огромную стоптанную валенку.

- Да ты куда собираешься? - спросили обе старухи в один голос.

-Уж не за отцом ли? Так смотри: на улице холодно... Замерзнешь... И отец тебя приколотит... Не послушает он тебя... Сиди-ка дома. Чего там?

Но девочка не послушала старух и усердно одевалась, накутывая все, что могла достать.

Ей было на вид лет 6 - 7; по росту это был крошечный ребенок, а по взглядам, по уверенным